

*Виговский Н.Ф., комиссар 153 отдельного
авто-транспортного батальона, март 1973г.*

Боевые действия 141 стрелковой дивизии (первого формирования), место Любар

Согласно приказу, 153 ОАТБ отходил на новые позиции из селения, где были окопаны и вели бой с немецкой армией. Немец шёл следом за нами на расстоянии. Заслон бойцов сдерживающий натиск немцев продолжал время от времени вести бой. Как всегда, в это время появились немецкие самолёты- бомбардировщики "Ю-87", тяжёлые "Хейнкели", длинный "Ю-88", шнырял разведчик "Фокке вульф 189", который солдаты и партизаны называли "Рама" самолёт-разведчик. Стали бомбить нашу колонну. 153 ОАТБ по команде расчленился и вступил в бой с немецкой авиацией пулемётными установками на машинах и винтовочным оружейным огнём (зенитные батареи отсутствовали). Вражеская авиация разбомбила нашу кухню и почти весь пищеблок, что естественно сказывалось в бою и на походе - бойцы не могли вовремя получать пищу. Получали ее после некоторого затишья боя и на привалах. Готовить пищу приходилось в котлах на остановках и ночью. Бойцы расходуют НЗ, но он своевременно не пополняется.

Налетевшие немецкие самолёты заходя по несколько раз продолжали бомбить колонну, засыпая бойцов бомбами и грудями земли, делая большие воронки. Бойцы изворачивались при расчленении колонны, и как будто привыкли к этому, не давали себя в обиду, и враг не имел успеха. Установки усиленно вели огонь по самолётам, вели бой и бойцы. Видим, наблюдаем, что один немецкий самолёт отклонился в сторону, а также второй и третий, пилотируя удалялись по направлению пути, и начали спускаться, улетая от нас на расстояние. Мною было приказано отделению следить за этими самолётами, бойцы поспешили за ними. Немецкие самолёты приземлились на полях в пшенице и сейчас же загорелись, подняв клубы дыма. Самолёты были сожжены или самими немцами или от пробоин баков в самолётах, и были непригодны к действию. Немецкие лётчики замаскировались в пшенице, а в Любаре пшеница того времени росла высокой на радость людям. Лётчики притаились. Самолёты были сбиты. 153 ОАТБ шёл своим ходом. Просёлочные дороги на пути были завалены битыми машинами, артиллерийскими лошадьми в упряжках с орудиями, расчетами бойцов с боеприпасами, что застывали на дорогах и обочинах. Кошмар, который сотворила немецкая авиация.

Приходилось пушки с боеприпасами брать на буксирные крюки машин и вывозить, чтобы не остались противнику. На подходя к полям пшеницы вдруг мчится мне навстречу военфельдшер 153 ОАТБ, который пошёл с отделением бойцов к немецким самолётам. Он говорит: «Товарищ Комиссар, меня чуть не застрелили немцы!» Я ему говорю в ответ: «Чуть-чуть не считается, - спрашиваю, - а где они?» Он показывает мне: «Вон там в пшенице!» Я взял бойцов и приказал фельдшеру идти со мной. Бойцы следили за немецкими пилотами, чтобы не ушли, немцы отстреливались. Я взял автомат на

изготовку, рассмотрел в пшенице остовы самолётов, пошёл вперёд, военфельдшер идя со мной указывает путь, говорит - тут они. Я поймал глазом одного немецкого пилота, наставил автомат. Немецкие пилоты лежали недалеко друг от друг на спине и смотрели в небо. Заметив меня, немецкий пилот отбросил имеющийся в руках парабеллум, ему последовали и остальные. Они, очевидно, слышали слово Комиссар, когда военфельдшер называл меня, это слово немцы прекрасно понимали. Я приказал собрать оружие, а им подняться и связать руки назад. Приказал не стрелять. Руки немцев были связаны назад. Мимо моей части проходило четыре наших танка. Я остановил их и приказал посадить немцев на танки, привязать и отправить в распоряжение штаба дивизии. Потом они были переданы корпусу и отправлены к нам в тыл. (немецкие пилоты были обуты в армейские ботинки и чулки по колено, - как же они не похожи на наших лётчиков!). Таким образом над Любаром были сбиты три самолёта, два из них были спалены, третий из-за дальности не преследовали. Было пленено четыре немецких пилота.

Было много боевых эпизодов. Под Уманью, в одном из селений бойцами был найден немецкий генерал, десантированный Гитлером к нам в тыл со своей дивизией. Немецкий генерал находился в погребе одной из квартир. И когда мне сообщили о нём, я приказал доставить его живьём. Вернувшись пошёл сам, чтобы его не убили, - но было поздно. Бойцы хотели взять его из погреба живым. Но он всё время отстреливался, бил по ним, а они не могли отстать от своей части, и уничтожили его. Идя им навстречу, говорю: «Надо было его взять живым любыми средствами. Ведь это крупный язык, через него можно было узнать очень многое о немецкой армии».